

Степаныч с детства любил машины. У других развлечения: рыбалка, грибная охота, домино, – а он с утра до ночи пропадал там, где взрослые колдовали над редкими в те годы личными автомобилями. У мальчишки, кроме интереса к технике, была ещё и прирождённая сметливость, он буквально на лету схватывал все слесарные нюансы, накрепко усваивал секреты старых мастеров. Так что к юношеским годам вполне прилично освоил ремонтную науку. А потом, в армии, выучившись на шофёра, прослыл незаменимым мастером: на слух, на ощупь безошибочно определял причину поломки или сбоя в работе двигателя, а потом быстро устранял проблему, не в ущерб качеству.

К тому времени у людей завелись кое-какие сбережения, захотелось с умом потратить купюры, да и соседям нос утереть: начали покупать простенькие легковушки. Но автовладельцы, в большинстве своём, могли только рулить и заниматься мелким ремонтом. А машины, надо заметить, капризничали частенько. Тут навыки Степаныча и приго-

дились. Он никому не отказывал, довольствуясь любым гонораром. Это потом, когда женился на буфетчице Клавдии – девице хваткой и расчётливой – ставки стали повышаться, с её, разумеется, подачи. Но однажды молодую жену вдруг осенило:

– А что это мы сами без машины? Деньжат накопили, пора их с пользой употребить. Что мы, хуже других?! Купим машину, потом – дачу...

Клавдия – женщина дородная, но очень подвижная, энергичная – от «Запорожца» отказалась, не по чину ей, видите ли, в эдакой «консервной банке» париться. Задалась целью приобрести «Москвич», подключила все свои связи, и вскоре зелёный автомобиль прикатил во двор. Деловая жена не успокоилась и приложила усилия, чтобы построить гараж. Чтобы всё как у людей! Пусть завидуют неумехи и пьяницы.

И превратил Степаныч гараж в автомастерскую. Точнее, всё как-то само собой вышло. Каждую свободную минуту он лелеял свои «75 лошадок», как ласково называл личный москвичок.

А соседи-автолюбители не заставили себя долго ждать. Потянулись бедолаги за помощью. Клавдия поначалу заартачилась, дескать, незачем привечать всяких там разных. Но, увидев, что податливый муж регулярно приносит домой приработок, даже обрадовалась: пусть мужик занимается с пользой, деньги на дачу не помешают. Только строго-настрого наказала:

– Я в гараже буду хранить соленья-компоты, здесь прохладно, так что ты мужиков не слишком-то привечай.

– Ну какой от них вред, придут – выпьют немного, поговорят, посуду оставят...

Пустые бутылки Клавдию заинтересовали, при её буфете располагался доходный приёмный пункт стеклотары, так что, как не крути, опять же польза. Поморщившись, она согласилась, только не удержалась от нравоучений:

– Ладно, пусть выпивают, только особо не расслаиваясь. А то я их, чертей, знаю!

Степаныч любил шумные компании местных мужиков. Пока он занимался ремонтом, его клиенты, расположившись в уголочке за маленьким столиком, вулканировали анекдотами и забавными житейскими историями, лаская слух не очень разговорчивого, меланхоличного и затюканного женой автослесаря. Сам он от выпивки отказывался: дел по горло, но больше опасался нотаций от дребезжащей супруги. Довольно быстро мужики отстали, удовлетворившись аргументами, что, дескать, нельзя под градусом копать в капризном автоорганизме.

Больше всех любил солировать Женёк, тридцатилетний оболтус с пятого этажа по прозвищу Жужа. Состоятельные родители оставили ему в наследство жигули «копейку», но он, похоже, не имел тяги к технике, водил машину неумело, да и не следил за ней как следует. Степаныч сокрушался, что такой нерадивый хозяин попался, но Жужу любил за его весёлый и взбалмошный характер и тысячу занятных историй, многие из которых он, наверняка, сам и придумывал, причём на ходу. Но выходило складно и интригующе, поэтому выпивон затягивался за разговорами. Мужики – чаще это были пенсионер Гришин, бывший милиционер, и вохровец Данилов — благодарно поддакивали красивым повествованиям рассказчика и подливали Жуже дополнительную порцию горячительного. Такое внимание Евгения только раззадоривало, он становился в театральную позу и отчаянно жестикулировал, изображая персонажей во всей красе своей неуёмной фантазии.

Степаныч называл это действие «театром у микрофона». Он зачастую даже не видел исполнителя, находясь в салоне или под днищем автомобиля, оставленного клиентом у входа в гараж, но с удовольствием слушал мастера перевоплощений, занимаясь ремонтом.

Когда Женёк не появлялся – он всё-таки не был ту-неядцем и протирал штаны в какой-то конторе – Степаныч грустил, представляя, что вечером Клавдия будет пичкать его сплетнями и жалобами на своих бездушных начальников. Когда приходили Гришин и Данилов, от них шума почти не было. Битые жизнью мужички старались не затрагивать политических тем, не обсуждали власть, а большей частью предавались воспоминаниям об удачной рыбалке или грибном урожае, изредка судачили о не радующем болельщиков отечественном футболе, о капризах погоды и новых болячках.

Быстренько выпив, они раскланивались, благодарили Степаныча за уют и ласку, оставляли стеклотару под столиком и удалялись по домам. Оставшись в одиночестве, мастер тяжело вздыхал, ощущая нехватку простого человеческого общения. И после ухода очередных соседей, желающих по-быстренькому остограмниться, пока их жёны не видят, Степаныч не закрывал ворота гаража, давая понять, что его автокафе продолжает работать. К приходу очередных посетителей он протирал столик, ополаскивал стаканы, а если была возможность, то и оставлял на видном месте нехитрую закуску.

На исходе лета, в том числе и бабьего, когда всем соседским машинам была дана профилактика и наиболее рачительные автовладельцы собирались своих железных коней поставить на прикол до весны, потому что зимой город буквально утопал в месиве неубранных снега и грязи и не то что проехать – пройти без ущерба для здоровья было рискованно. Степаныч откровенно заскучал. А тут ещё и Женёк куда-то запропастился.

По утрам подмораживало, то и дело порывался испортить настроение холодный кусачий дождик. Клавдия закончила заготовку на зиму: компоты-соленья заняли едва ли не всю стенку гаража. Вздыхая, Степаныч мастерил стеллажи, всё тянул время до вечера: домой идти не хотелось, что ему там делать, телевизор смотреть да выслуши-

вать глупости супруги, которая, кажется, совсем с ума сошла со своим сбором денег на дачу. Нарождающаяся перспектива Степаныча не радовала, ведь придётся с утра до ночи пропадать на участке, обустраивать, так сказать, дачное гнёздышко. И тогда прощай любимый гараж, посиделки в честной мужской компании, любимое времяпрепровождение.

– Ничего, не переживай, – заметив невесёлое настроение мужа, подбодрила Клавдия. – Я думаю, за зиму ты всё подделаешь, там работы немного. Потом посадим картошку, овощи, и можешь опять со своими шаромыжниками водку пить.

– Да при чём здесь это! – вяло возмутился Степаныч. – Это же клиенты. Деньги...

– Хорошо, хорошо, – махнула рукой жена, – деньги нам действительно не помешают, расходы ведь непомерные. Но ты всё же с ними поостроже, не дай бог банки мои побьют...

– Да банки твои в другом конце гаража! – попытался отгрызнуться Степаныч, но вышло как-то обиженно и заискивающе. Он понял, что с ней лучше не спорить, себе дороже. Но настроение вконец скисло, потухло. Он лихорадочно попытался найти предлог, чтобы вернуться в свою автомастерскую, так невыносимо было находиться без дела в квартире со сварливой женой. Ничего не придумал, прошёл на кухню, достал из холодильника початую бутылку водки и отхлебнул приличный глоток, как ему казалось, живительной влаги. Подождал реакцию организма, но безуспешно: водка не сумела реанимировать померкшее состояние души, наоборот, добавила угрюмости. «Тогда – спать», и Степаныч поплёлся в спальню, на ходу раздеваясь. С твёрдым намерением пораньше отправиться в гараж, где, возможно, всё образуется.

Как в воду глядел. Ни свет ни заря, осторожно ступая, чтобы не разбудить подхрапывающую Клавдию, он

вышел в коридор. Не включая свет, нащупал какой-то ватник, сапоги и выскользнул за дверь.

Утренний морозец взбодрил. В темноте Степаныч не заметил, как ухнул ногой в лужицу, скованную хрупким первозданным ледком. Чертыхнулся. Поправил сбившуюся набок шапку и уверенно направился туда, где чувствовал себя поистине счастливым человеком.

Не дав себе даже минутной передышки, он принялся наводить порядок в гараже, расставляя и развешивая инструменты в известном только ему одному порядке. Злобно скользнул взглядом по противоположной стенке, где выстроился огромный ряд разнокалиберных банок. «Чтоб их разорвало морозом», – пронеслось в голове. Хотя какой нынче мороз, да и гараж сработан надёжно, в два кирпича. Ладно, пусть стоят, а то потом, чего доброго, и вправду потрескаются, вони не оберёшься.

– Привет, Степаныч! – раздался радостный возглас.

– Женёк! Ты откуда в такую рань? – обернулся Степаныч.

Жужа выглядел импозантно: в красной куртке, с длинным шарфом на шее.

– Да я-то с курортов, отец родной, – в своей привычной развязной манере изрёк Жужа, – а тебе-то чего не спится? Или по работе соскучился?

– Да какая сейчас работа, Жень?! Это у жестянщиков скоро дела пойдут, а я своих клиентов на зиму упаковал...

– Не всех, Степаныч, не всех! – торжественно произнёс Женёк, вознося палец к небу. – Я тебе хочу настоящего клиента подогнать, не чета нашим мужичкам, которые за копейку удавятся... На отдыхе познакомился, большой человек в нашем городе. И не жадный, что самое главное. У него «Волга» что-то забарахлила, никто не может толком понять. Вот я его тебе и сосватал. Думаю, финансово не обидит, это я беру на себя. Так когда сможешь осмотреть аппарат?

– Пусть привозит, поглядим, – спокойно пожал плечами Степаныч, – но обещать ничего не буду. Может, не по зубам мне его поломки.

– Не прибедняйся, старик, ты-то справишься, я уверен. Сейчас рановато, да и мне надо душ принять с дороги, позавтракать. В общем, я ему позвоню, договоримся о времени.

– Да я здесь буду, – спокойно отозвался автослесарь, – прибираюсь вот... Так что милости прошу.

Ближе к обеду медленно, простуженно чихая, подкатила чёрная «Волга». Из-за руля вышел высокий мужчина в дублёнке и пыжиковой шапке. Женёк выскочил из-за его спины и громко представил:

– Степаныч, это Иван Сергеевич.

– Так что там у вас? – безучастно спросил Степаныч, попросив открыть капот.

Пока высокий гость объяснял причины неадекватного поведения автомобиля, Женёк зачем-то внимательно осмотрел гараж, прошёлся по периметру, погладил накрытый чехлом зелёный москвичок. Минут через пятнадцать Степаныч о чём-то договорился с клиентом, они распрощались. Иван Сергеевич махнул на прощанье:

– Евгений, я в офис, сейчас за мной машина подъедет. Вечером встретимся, как договорились.

– Хорошо, Иван Сергеевич, – Женёк изогнулся в шутовском поклоне и тут же атаковал Степаныча. – Ну, что там за проблема? На сколько тянет?

– Надо внимательнее посмотреть, но, думаю, дело нехитрое: скорее всего с бензопроводом проблемы. Или с зажиганием. Разберу карбюратор, посмотрю.

– А сколько по времени ремонт займёт?

– Да подожди ты с ремонтом, – вдруг заулыбался Степаныч, появление Евгения ему было как бальзам на сердце.

– Дай разобраться сначала. Не спешите. Иван Сергеевич не о сроках просил, а о том, чтобы проблему устра-

нить. Я же не знаю, как он с машиной обращался, что там во внутренностях заporол. Так что иди, Женёк, отдыхай, может, к вечеру я своё заключение дам.

– Ну ты голова! — малый обнял и потряс мастера. — Очень нужно этому человеку помочь, понимаешь?! И о цене подумай, не стесняйся. А потом мы это дело отметим. Хитро подмигнул и ускакал домой.

Степаныч буквально расцвёл, ему хотелось петь и трудиться не покладая рук. Для начала он выставил на улицу свой москвичок и загнал в тёплое помещение начальственную «Волгу». В таких условиях и работа пошла споро, и выработанная стратегия оказалась правильной. Степаныч понял сразу, что «Волгу» особо не баловали вниманием, не занимались серьёзно профилактикой. Надо было менять шланги, в первую очередь, бензонасоса, свечи, бумажные фильтры. Увлёкшись, Степаныч погрузился в карбюратор, протестировал систему зажигания. Составил список необходимых для замены запчастей, который и вручил прибежавшему вскоре Евгению.

– С утра привезёте, вечером получите авто в лучшем виде, — подытожил автослесарь.

– Да ты просто маг и волшебник, — начал рассыпаться в комплиментах Женёк, но Степаныч его осёк:

– Не говори гоп... Сделаем, тогда и благодари.

– А сумма какая за работу? — глазки парня алчно загорелись, видно, он рассчитывал и на свой процент от сделки.

– Да сколько не жалко, — ухмыльнулся Степаныч. — Ну а так... пару сотен, думаю, достаточно.

– Да ну, это же ни о чём! Ладно, этот вопрос я беру на себя. До завтра.

«Смешной он всё-таки парень, — подумал Степаныч, — но с другой стороны цепкий, хваткий, сегодня как раз такие и нужны. Не то что наше поколение, воспитанное на соцреализме. И чего мы добились? Как жили, пресмыкаясь, так и живём. Радует мелким подачкам, полжизни прово-

дим в очередях. И никому не нужны ни твои знания, ни талант... Пока кому-то из начальников не приспичит... Что ж, посмотрим, как этот Иван Сергеевич отблагодарит. Нет, мне не деньги важны. Сам-то он, наверняка, по благу «Волгу» получил, не на кровно заработанные, потому и обращается с ней, как с падчерицей. Чуть не загубил такую машину. Да она сто лет может бегать, если ей постоянный уход дать и заботу...»

Дома Клавдия тут же спросила:

– А кто это к тебе на «Волге» подъезжал? Соседка случайно увидела, обзавидовалась.

– Женёк клиента подогнал. Начальник какой-то.

— Что ж ты не разузнал подробней. Может, поможет нам побыстрее дачу купить.

– Что ж ты за женщина такая! – Степаныч покачал головой. — Всё деньгами да связями меряешь.

– А как же! В этой проклятой жизни не зевай, иначе сомнут, обойдут на повороте, – распалаясь Клавдия.

И Степаныч пожалел, что наступил на её любимый мозоль.

– Думаешь, копеечка легко достаётся?! Вот и ты со своими золотыми руками мог бы поухватистей себя вести с клиентами. И не скромничать. С них не убудет. Раз машины завели, значит и на ремонт должны раскошелиться. Глядишь, мы бы дачку пораньше купили...

Степаныч с досады махнул рукой:

– Ну ладно. Завелась... Кормить-то будешь? Мне надо пораньше лечь спать, завтра трудный день: обещал машину к вечеру поправить.

Утром Жужа на своей «копейке» привёз необходимые запчасти, вызвался подсобить, но Степаныч нахмурил брови: «Не мешай!», и Женёк ретировался.

Словно соскучившись по настоящей работе, Степаныч энергично взялся за дело. Довольно скоро ему стало жарко, он скинул ватник, расстегнул воротник рубахи. На лице появились капельки влаги. Он не сразу догадался, что это первый снег проникает в гараж через распахнутые во-

рота: мягкими редкими хлопьями снежинки медленно десантировались с крыши вселенной, но с каждой минутой их становилось всё больше и больше; и вот уже вокруг забелело, запахло зимой.

Дышать стало легче, вольготней. Степаныч замурлыкал какой-то мотивчик из некогда популярной песни, ему давненько не было так хорошо. Время от времени он выглядывал на улицу, подставлял под снегопад разгорячённое лицо, улыбался, радуясь приливу новых сил, и возвращался на «сладостные галеры».

Жужа появился около пяти вечера и не сразу поверил, что «Волга» на ходу. Степаныч самодовольно пыхтел, отмывая руки в керосине, и кивал головой:

– Принимай работу, студент!

Женёк сел за руль, машина почти бесшумно завелась и мягко тронулась с места. Парень не удержался и заорал от восторга:

– Да ты просто гений, Степаныч! Покачу-ка я сам этот кабриолет хозяину. А ты жди меня, думаю, с хорошим гонораром.

Укатил. Автослесарь ощутил лёгкую, но приятную усталость. Стал неторопливо собирать инструмент, упаковывать мусор в бумажный мешок. А спустя каких-то полчаса услышал звук клаксона «копейки» и увидел чуть ли не на ходу выпрыгивающего из салона Жужу. Тот приближался с распростёртыми объятиями.

– Степаныч, гуляем! Вот твоя тысяча, кровно заработанная. Клиент безумно счастлив. Его сослуживцы уже в очередь к тебе выстраиваются, так им понравилась твоя работа...

Тут только Степаныч заметил как из «копейки» выпорхнула девушка и стала медленно приближаться. Перехватив его взгляд, Женёк махнул рукой:

– Да это Светка, бывшая моя сокурсница. Думаю, не помешает нам отметить удачную сделку.

Степаныч растерялся, его переполняли странные чувства. Похвала всегда ценилась им дороже денег. И предстоящий банкет по поводу удачного ремонта тешил его самолюбие.

– Свет, познакомься, это Степаныч – мастер золотые руки. Он из ничего может ракету смастерить.

Девушка подошла, протянула ладошку-лодочку. «Фигурка ладная, всё честь по чести, — отметил про себя Степаныч,

– А вот с личиком Господь слегка обидел: крупный мясистый нос, глубоко запавшие глаза, глупая улыбка...»

– Да, Жужа мне все уши прожужжал про вас. Что ж, поздравляю!

– Ладно, соловья баснями не кормят. Иди, Светка, носи харчи и всё, что там есть, – сам Женёк уже извлекал из большого пакета бутылки с яркими этикетками в предвкушении приятного застолья. – Степаныч, давай гараж закроем, чтобы наши мужички на свет не подтянулись. А то весь кайф сломают.

Очень быстро они накрыли на стол, наполнили стаканы возбуждающим эликсиром. И сияющий Женёк произнёс тост:

– Я думаю, что сегодня у нас родился новый кооператив, в котором, естественно, главной фигурой будет Степаныч, а уж я, если позволите, займусь поиском и поставкой платёжеспособных клиентов. Успех гарантирую! Так выпьем же за золотые руки Степаныча и... мою светлую голову!

Все засмеялись. Выпили. Давненько Степаныч не ощущал такую умиротворённость и благодать на душе. И компания ему нравилась. Захмелевшая Светка уже не выглядела уродиной, быстро забыв о правилах приличия, стала строить глазки обоим кавалерам, возомнив себя королевой бала. Похоже, она любила выпить и поболтать, не особо заботясь о своей репутации. После третьего тоста Женёк стал подмигивать Степанычу, а сам бесцеремонно полез

обниматься со своей спутницей, облапывая её интимные места. Светка только вначале попыталась вяло сопротивляться, а потом поддалась соблазну. Разгорячённая парочка, уже не стесняясь хозяина гаража, удалилась в противоположный угол и вскоре, судя по энергичному сопению и нервным вздохам, предалась любовным утехам.

Степаныч приглушил свет, чтобы не смущать молодёжь и самому оставаться в тени. Налил себе немного коньяка — Женёк всё-таки знал толк в напитках — и медленно, с удовольствием выпил. Из головы не выходила фраза нового компаньона о кооперативе. А что?! С ним дела пойдут. И можно не только быстро собрать недостающую сумму на дачу, но и отвязаться от Клавдии: пусть копается себе на грядках, а я и для себя немного поживу, порадуюсь жизни...

Женёк вынырнул из темноты, напоминая разгорячённую взлохмаченную лошадь. Нервно оглядываясь, зашептал, захлёбываясь:

— Слушай, давай к ней, она не против. Когда ты последний раз изменял своей мегере? А Светка классная, безотказная...

— Да ты что? — выпучил глаза Степаныч. — Она же с тобой пришла...

— Старомодный ты какой-то, старик, — Женёк шарил по карманам своей куртки, пытаясь отыскать сигареты. — Давай, сегодня твой праздник. Отметим новую жизнь коллективным сексоповалом!

— Не, я так не могу, — вяло сопротивлялся Степаныч, явно застигнутый врасплох неожиданным предложением, — как-то не готов я...

— Ладно, поступим по-другому. Я её завтра подошлю, ты только не волнуйся, Светка всё сама сделает в лучшем виде, я с ней уже договорился.

— Как это? — Степаныча прошиб холодный пот; за свою без малого пятидесятилетнюю жизнь он даже не по-

мышлял о таких отношениях, считая, что после женитьбы грех думать о чужих женщинах. А тут...

Светлана подошла как ни в чём не бывало, чуть пошатываясь.

– О чём это вы, мальчики, тут шушукаетесь? – игриво проворковала девица. – Лучше налейте даме вина.

– Это мы вмиг, – отозвался из темноты Женёк, прикуривая сигарету.

– Ты бы здесь не курил, опасно всё же, – меланхолично заметил Степаныч. – Да и поздно уже.

– Свет, – Женёк приблизился к столу нетвёрдой походкой, — ну что, завтра поможешь Степанычу?

– Нет проблем, – она, не дожидаясь инициативы от кавалеров, сама налила себе полстакана вина. – А в каком часу, Степаныч?

Его словно кипятком ошпарило. Благо в полутьме никто не увидел, как запылала его багровые щёки. Вот это молодёжь: ни стыда ни совести. В наше время такого не было.

– Ладно, закругляемся, – подал начальственный голос Женёк. – На посошок и по домам. А завтра начинаем работать по вновь утверждённому мной плану. Будем деньги зарабатывать. И жить на полную катушку.

Всю ночь Степаныч ворочался, осмысливая разговор в гараже. Успокаивал себя: да это ребята дурачились, подзадоривали меня, старика. Ну да ладно, повеселились, отдохнули от души. А чего плохого, если Женёк и впрямь клиентурой займётся, будет что и от Клавдии заначить. Лет-то мне уже ого-го сколько, а что в жизни видел? Ничего! Нет-нет, нельзя так дальше, годы уходят, а словно на каторге...

За завтраком Клавдия подозрительно оглядывала задумчивого мужа: чего это с ним? Ну выпили с мужиками за хороший заказ, зато вон сколько деньжищ притащил в дом. И вроде не страдает с похмелья, а думает о чём-то. Странно.

Понедельник – день тяжёлый, правильно в народе говорят. Но, как ни крути, разгонять рабочую неделю надо. И Клавдия заторопилась в свой общепит. А Степаныч, помыкавшись по квартире и не найдя себе занятия, отправился в гараж. Надо заметить, что после того, как бесславно рухнула советская власть и миллионы граждан некогда могучей страны оказались не у дел, начальники, когда-то привлекавшие людей к ответственности за тунеядство, теперь не могли им предложить даже самой ничтожной работы. Появились биржи труда, пособия по безработице. Степаныча эти проблемы не волновали, он полагался только на себя, потому и трудился сообразно собственному графику, ориентируясь на спрос населения.

Сегодня клиентов не намечалось, но всё равно он засобирался в гараж, там ему дышалось более вольготно и независимо. Время клонилось к обеду, когда он услышал шорох у ворот, обернулся и увидел Светлану. Она бесцеремонно переступила порог и широко улыбнулась:

– А вот и я, как обещала.

Степаныч не сообразил, как следует отреагировать на этот визит, а гостья уже приблизилась к столу, ощупывая взглядом пустые бутылки.

– А выпить ничего не осталось... – жалобно протянула девица и умоляюще посмотрела на Степаныча. Он понял, что ей надо опохмелиться, полез в шкафчик, достал припрятанный коньяк. Глазки Светы заблестели:

– А ты со мной будешь?

Не обращая внимания на отрицательный жест автомеханика, она с ходу опрокинула в себя грамм сто алкогольного лекарства и по-хозяйски осмотрела гараж.

– Расслабься, Степаныч, ты, я вижу, мужик правильный, но старомодный, так сегодня нельзя. Года убегают, а ты всё в старовеерах ходишь... – она приблизилась вплотную, обдала ароматом духов вперемешку с перегаром. – А ты мне нравишься, есть в тебе этот самый стер-

жень, не то что у нынешних пацанов. Так где мы займёмся делом?

Всё произошло настолько стремительно, что Степаныч долго не мог прийти в себя. Уже уходя, Светлана чмокнула его в щёчку и прошептала:

– Если ты не против, я завтра приду.

Дома от жены не ускользнула перемена в настроении супруга. Он стал отводить взгляд, нервно передёргивать плечами, отвечал невпопад. Клавдия заметила, что, в очередной раз отправляясь в гараж, он вырядился в костюм, побрился. Ушлая женщина заподозрила неладное, но никак не могла взять в толк, с чем связаны такие метаморфозы. Женская логика подсказывала единственно верное решение – нагрянуть неожиданно с обыском. Там всё и прояснится.

А Степаныч потерял голову. Не привыкший к женской ласке, он, как зомбированный, безвольно бросился в водопад страстей, предложенных Светланой. Они встречались чуть ли не каждый день. И хотя удовлетворяли свои сексуальные потребности скоротечно, без раскачки, от бдительных соседок не укрылось странное обстоятельство: до недавних пор ворота гаража никогда не закрывались, привлекая клиентов, а теперь мастер изменил своей привычке и, входя внутрь, тут же запирает дверь на замок.

В очередной понедельник, когда Степаныч скрасил своё одиночество в обществе необременительной Светланы и уже собирался с ней расстаться, в дверь гаража постучали. Сначала спокойно, потом дробно и часто. Голос Клавдии вывел Степаныча из равновесия:

– Ты чего это примолк?! Отворяй сейчас же! Что, заснул что ли...

– Это кто? – зашептала на ухо Светлана.

– Жена, – Степаныч стоял как парализованный.

– Ничего, выкрутимся, – девица выглядела спокойной и уверенной в себе. – Где мне укрыться?

Степаныч кивком показал на шкаф с инструментами, за которым была ниша, где можно было спрятаться.

– Скажешь, что заработался, сразу не услышал. Уйдёшь вместе с ней, а потом вернёшься и выпустишь меня, понял? Давай!

Едва Светлана успела юркнуть в узкую щель, как дверь буквально заходила ходуном.

– Открой, сволочь! – раздался злобный окрик.

Степаныч на непослушных ногах приблизился к двери, отодвинул засов. Клавдия буквально ворвалась в гараж, облетела его дважды и, ничего подозрительно не обнаружив, немного успокоилась.

– Ты чего это заперся? – жена буравила мужа колючими злыми глазками.

– Холодно стало, – пожал плечами Степаныч. – Да и не слышал я за работой.

– А чего это ты вырядился? – не зная, к чему прицепиться, пыхтела Клавдия.

– Так я ж не под машиной. А чего костюм висит без дела уже лет десять как...

– Ладно, пошли домой, – Клавдия ещё раз оглядела гараж, всё ещё пытаясь найти хоть какую-то улику. – И захвати банку огурцов, я хочу рассольник приготовить.

Степаныч повиновался. Они вышли. Он запер дверь и поплёлся к дому. Клавдия по дороге продолжала ворчать, не удовлетворённая неудачной облавой.

Темнело стремительно. Степаныч украдкой выглядывал в окно, лихорадочно соображая, как найти предлог, чтобы выйти на улицу и освободить невольную пленницу. Ничего не шло на ум. А Клавдия как нарочно держала его при себе: то попросит банку открыть, то стол подвинуть к стенке, то настроить телевизор. Потом заставила поужинать, хотя муж ссылался на отсутствие аппетита. Обратила внимание, что у него на лбу выступила испарина и лицо покраснело. Стала измерять температуру. Всплеснула руками: «Да ты заболел, сейчас же в кровать!»

Степанычу и впрямь стало не по себе. От волнения запрыгало давление. А закончилось всё вызовом «скорой помощи». И врач неожиданно постановил: нужна срочная госпитализация. Его увезли в больницу, а там, пока сбивали давление, обнаружили приступы аппендицита.

Едва отойдя от послеоперационного наркоза, Степаныч слёзно упросил медсестру позвонить своему деловому партнёру Евгению, потому что из-за непредвиденных обстоятельств может сорваться крупный заказ, а это штрафы, неустойки...

Женёк примчался в больницу, сразу учуяв: случилось что-то экстраординарное. Сбивчиво рассказав о неудавшемся свидании и запертой в холодном гараже Светлане, Степаныч передал компаньону ключ, который предусмотрительно захватил с собой. Напутствовал:

– Поспеши, она там уже два дня, как бы чего не случилось.

– Не волнуйся, всё будет в порядке, – подбодрил, ухмыляясь, Женёк. — С голоду она не умрёт, там закуси на целую свадьбу хватит. Да и догадается, наверное, в машину залезть погреться.

Последующий день показался вечностью. Страшные новости принесла вечером жена. Клавдия притащила целую сумку фруктов и ягод, демонстрируя окружающим свою чрезмерную заботу о заболевшем супруге. Пересказав все сплетни, она спохватилась:

– Да, знаешь, твой приятель Женька вчера под машину попал. Куда-то бежал, сломя голову, поскользнулся – лёд же кругом, а он, пижон, как всегда, в туфельках – и вынесло его на проезжую часть...

У Степаныча помутилось в голове. Он только и выдохнул:

– Живой?

– Да что ему станется, ногу, говорят, поломал. Его к вам, кажется, привезли, в травматологическое отделение.

Дальше Степаныч ничего не слышал. В висках били колокола: «Господи, что за напасть?! Она же там околеет!» В палате появились врачи, выпроводили супругу. Медсестра уже заряжала шприц. Степаныч стремительно проваливался в бездну.

Очнувшись, он первым делом спросил: какое сегодня число? Попал в больницу десятого, сегодня тринадцатое, пятница. Что же делать? Как быть? Надо навестить Женьку. Хотя сейчас от него мало толку, успеется. Но кого же попросить дойти до гаража? И друзей-то надёжных, кому можно довериться, нет. Хотя, погоди, можно переговорить с бывшим милиционером Гришиным, он-то за свою жизнь во многих передрыгах побывал, наверняка подскажет выход. А в случае чего можно всё свалить на Женьку, мол, это он со своей девицей попросился на случку в гараж. Сам Женёк не будет против, нам ещё с ним вместе работать. Опять же, он холостой, по рукам-ногам не связанный. Надо попросить медсестру сходить в травматологическое отделение, позвать компаньона, если он может на костылях хромать, мне же пока запрещают вставать...

– Девушка, извините, не знаю, как вас зовут... – зашептал Степаныч, как только к нему приблизилась процедурная сестра.

– Надежда.

– Наденька, вопрос жизни и смерти, – едва не заплакал Степаныч, минорно задрожав губами, чем подкупил чувствительную медсестру. – У меня товарищ этажом ниже, Евгений Чудинов, он ногу сломал, машина сбила. Узнайте, пожалуйста, сможет ли он ко мне подняться. Очень нужно.

– Хорошо, попробую, – успокоительно улыбнулась Надежда и отправилась на поиски второго пострадавшего. Женёк прискакал на костылях, поддерживаемый всё той же Надеждой. С порога засокрушался:

– Вот же невезуха! Не повезёт, так и в бане замёрзнешь...

– У тебя ключи с собой? – перебил его Степаныч.

– Да, а что...

– Слушай, Женя, версия такая. Это твоя девушка осталась в гараже, ты пошёл в магазин за подогревом, её запер, но назад не вернулся, а попал под машину. Понимаешь?

– Секу, старик, тебе светиться нельзя. Но как же мы её оттуда вызволим?

– Ты милиционера Гришина знаешь?

– Того, что у тебя ошивается? Знаю, конечно, а что?

– Найди номер его телефона, объясни нашу версию и попроси его открыть гараж. Мы за это с ним рассчитаемся.

Женёк засмеялся.

– А ты голова! Правильно мозгуешь. И твоя мымра ничего не заподозрит... Ладно, пойду Гришина разыскивать, – и он поднял вверх кулак. – Но пасаран! Они не пройдут!

У Степаныча отлегло от сердца. Он уже начал фантазировать, как будет извиняться перед Светланой, как напоит мужиков, прикрывавших его в этой детективной истории.

На следующий день Надежда обрадовала, что Степаныча готовят к выписке. Он уже начал вставать с кровати и после очередного обхода намеревался было спуститься на этаж к Женьку, как в этот самый момент дверь в палату с шумом распахнулась и в проёме появилась с траурным лицом Клавдия. Медленно, неуверенными шагами она подошла к мужу и зарыдала, уткнувшись ему в плечо.

– Что случилось, Клава?

– Всё погребло! Нас обокрали. Всё изуродовали, – запричитала Клавдия.

– Успокойся, объясни толком, – Степаныч впервые за долгие годы приобнял жену, погладил по волосам; она ещё теснее прижалась к нему – беззащитное слабое созда-

ние. Надо же, как меняется человек, стоит только горю войти в его жизнь.

– Я с работы иду, а соседи говорят: у вас гараж открыт, там внутри всё поперобито, покорёжено. Я какглянула, так чуть дара речи не лишилась. Все мои банки вдребезги, машина покалечена. Господи, за что же такое наказание...

– Всё, всё, – Степаныч понял, чьих рук это дело и постарался сменить тему, – я сам во всём разберусь, не нервничай. Меня уже выписывают, дома разберёмся. Только вот спущусь на этаж попрощаться.

Под Новый год, когда Степаныч привёл в божеский вид свой разгромленный гараж и почти отреставрировал зелёный москвичок, к нему на огонёк заглянула привычная компания старых приятелей. Не сговариваясь, они одновременно заржали, как только увидели пустую стену, где когда-то располагались стеллажи с Клавдиными соленьями-вареньями. Женёк всё ещё прихрамывал, опираясь на элегантную трость. А пенсионер Гришин рывком обнажил голову, демонстрируя рубец, полученный на поле боя.

Когда мужики вдоволь насмеялись и опрокинули по рюмке-другой, слово взял тучный Гришин.

– Ты представляешь, Степаныч, сколько раз ходил на задержание, даже под пулями был, а такой анекдот впервые случился.

– Так ты всё же расскажи, как на самом деле было, а то версии разные ходят, – подначивал Женёк.

– А чего рассказывать, Жужа, ты же сам меня на это дело наострил, мол, надо девчонку выручать, оказалась запертой в гараже у Степаныча. Я ж всё понимаю, дело молодое, а тут с тобой такой конфуз случился – в больницу попал. Пошёл я, значит, вечером, чтобы свидетелей поменьше было. Прислушался у ворот: тихо. Я слегка позвал: «Эй, есть кто живой?» Тишина. Стал открывать. Только голову просунул, хотел фонарик включить, как искры из

глаз в разные стороны брызнули. Чувствую, кто-то меня бутылкой по голове шандарахнул. Только и заметил, что девица какая-то, лязгая зубами, через меня, падающего, перепрыгнула – и ходу! Я – в отключку. Сколько пролежал, не знаю, благо – холод отрезвил. Поднялся: мама родная, кругом словно Мамай прошёл. Осколки, осколки... А потом твоя Клавдия шум подняла. Я своих бывших коллег с трудом уговорил дело не возбуждать, дескать, это всё семейное. Тебя, Степаныч, мы, конечно, выгородили, на Жужу всё свалили... Кстати, Женёк, а где же теперь твоя зазноба, не заглядывает больше на это дело?

Мужики опять загоготали, довольные, что вся эта история так благополучно закончилась, без летальных жертв. Только Степаныч сидел грустный. Его что-то гложило. Женёк хлопнул по плечу:

– Не горюй, старик, найдём тебе другую кралю. Подумаешь, делов-то на копейку. Давайте-ка лучше за наше здоровье выпьем, за всех, кто пострадал. За мужскую солидарность!

Опять гараж сотрясло от громкого перекатистого смеха. Жизнь, похоже, налаживалась. Женёк опять начал травить байки, вызывая всеобщий восторг. Степаныч незаметно пробрался к открытым воротам, вдохнул полной грудью бодрящий студёный воздух. Звёзды уже начали кучковаться, теснясь на синем небосклоне, заигрывающее мигая.

«К морозу, – подумал Степаныч. – И всё же надо бы обогреватель купить, мало ли что...» .